

Винтер не было в новинку быть третьей лишней желтофиоль (девушка без компании на вечеринке, прим. пер.). Она наследница SDC, даже если и быстро перестанет таковой быть, как только отец узнает про ее решение пойти в армию.

(Внимание дети! Достаем блокноты и записуем новое слово в свой словарик! Желтофиоль! Кто сомневается в своих навыках воспринимать на слух - перепишите с доски! Да такое слово действительно есть! Век живи, век учись, дети!)пер «в данном случае бета»

Жак часто брал дочь на деловые переговоры или совещания, на которых она была совершенно не нужна, и Винтер давно научилась выражать внимание, улыбаться, говорить только тогда, когда к ней обращались, и вообще играть роль идеальной маленькой куклы. Можно было бы предположить, что ее роль в армии будет такой же, но, по крайней мере, в сложившихся условиях она занималась хоть чем-то полезным.

Винтер была просто массовой, помогая мистеру Ашари приветствовать высокопоставленных чиновников, но ей доверили это сделать, а затем так же доверили присматривать за остальными гостями. Она никогда не чувствовала себя простым маскотом, когда работала с наставником или с кем-то из специалистов, и в этом отношении даже немного подзабыла, как неловко это может быть.

(Еще одно новое, но более распространенное слово, дети! Маскот! Его тоже запишите! Такое слово так же существует!)пер

Теперь она вспомнила это чувство, хотя бы потому, что была самым большим пятым колесом в истории, сидя за столом рядом со своим наставником, но совершенно невидимая для всех остальных. С тем же успехом она могла бы открыть в себе второе проявление полной и абсолютной невидимости.

«Не могу поверить, что это действительно ты», — сказала женщина, миссис Саммер Роуз. — «Я искала тебя повсюду, но не думала, что когда-нибудь снова встречу. В глубине души я знала, что этого никогда не произойдет. И все же... найти тебя здесь...»

«А...»

Голос женщины звучал на грани истерики, словно она в ловушке между невероятной болью и эйфорическим счастьем, голос же Жона звучал совсем по-другому. Винтер всегда полностью контролировала ситуацию и подмечала мельчайшие детали, по крайней мере, когда это имело значение. И голос мужчины звучал в равных долях неловко и растерянно. Или не растерянно, а потерянно. Абсолютно потерянно, как будто он не мог понять, кто перед ним и как это произошло.

И что бы это ни было, оно касалось женщины с серебряными глазами, сидевшей напротив него. Винтер неловко поерзала на стуле и пыталась придумать, как задать вопрос, или хотя бы включится в разговор. К счастью, девочка, сидящая за столом, обеспечила предлог.

«Мамочка...» — девочка вцепилась в руки женщины. — «Мамочка, кто это? Я не понимаю. Почему ты так расстроилась?»

Никогда Винтер не думала, что согласится с девятилетним ребенком. Похоже, это будет первый раз. И особенно раздражало, что единственная, кто не казался растерянным или потрясенным, была Эмеральд, уткнувшаяся лицом в тарелку с пудингом, абсолютно равнодушная к окружающему миру и очевидно важному разговору.

«А? Ох, прости меня, Руби». Саммер рассмеялась и одной рукой притянула к себе малышку для быстрых объятий. — «Я не хотела напугать тебя, и я не расстроена, клянусь. Это слезы счастья».

Да, женщина, рыдающая посреди улицы, стала шоком и для Винтер. Безумная догадка пришла в голову, и она внимательно сравнила девочку и своего наставника, пытаясь найти родственное сходство. Сходства не было, и девушка облегченно выдохнула. Хорошо. Это было хорошей новостью.

«Руби, я хочу познакомить тебя с кем-то очень важным», — Саммер, держала дочку за плечи, чуть наклоняя ее в сторону Жона. — «Этот человек спас жизнь твоей маме».

Винтер резко втянула в себя воздух.

Руби ахнула.

Ложка Эмеральд продолжала мелькать между десертом и ртом.

Жон... Жон уставился на женщину широко раскрытыми глазами.

«Мы не сказали тебе, потому что не хотели пугать тебя и Янг, когда ты была такой маленькой, но когда я отправилась на задание в Вакуо, то, из которого вернулась раненой, я чуть не умерла. Умерла бы. Единственная причина, по которой я жива, чтобы быть с тобой, Янг и твоим отцом сегодня, потому что этот человек спас меня».

Маленькая девочка застыла с открытым ртом. Ее глаза наполнились слезами, но девочка сдержала слезы и посмотрела на Жона с явным благоговением и благодарностью в глазах. Винтер немного выпрямила спину, но не потому, что девочка что-то сделала, а потому, что наконец-то поняла, что происходит. Не было никакого скандала, просто ее наставник спас жизнь коллеге охотнице. Девушка вполне могла в это поверить, оценивая его боевые навыки во время тренировок множество раз. Это также хорошо говорило о его характере, не то что бы и

раньше у нее были какие-то сомнения.

Жон по-прежнему выглядел так, словно находился в каком-то странном ступоре. Винтер легонько пнула его под столом, но безуспешно. Она действительно заволновалась и встала бы, если бы не Руби, девочка вырвалась от матери и нервно шагнула к мужчине. Винтер с удивлением наблюдала, как малышка остановилась рядом с его стулом. Она явно волновалась, но, несмотря на это, протянула обе руки и обняла Жона.

«Спасибо! Спасибо, что спас мою мамочку».

«А, Р-Руби?» Глаза Жона и Руби встретились, и на секунду показалось, что в его мелькнуло странное воспоминание. — «Я еще не могу осознать». Он сглотнул комок в горле и взглянул на Саммер. «Это была ты?»

«Неудивительно, что ты меня не узнал. Мне сказали, что я выглядела жутко в первую неделю после возвращения. Не могу даже представить, насколько ужасно я выглядела в наихудшем состоянии». Глаза Саммер встретились с глазами Винтер, и женщина ахнула. — «О, прости, что игнорирую тебя. Я просто... ну, я уверена, ты понимаешь». — она рассмеялась. — «Это ты была на приеме, не так ли? Винтер, да?»

«Совершенно верно, миссис Роуз. Я помощница мистера Ашари».

«Ашари?» — Саммер улыбнулась Жону. — «Это твое имя?»

«Жон Ашари». Винтер засомневалась. — «Вы не знали... Разве вы не сражались вместе?»

«Это было не в бою. Я уже проиграла свой бой, когда он спас меня. На меня напали в Вакуо несколько странных людей, вместе с гримм. Я была без сознания, и, по словам доктора из Академии Шейд, я наверняка умерла бы от ран, но кто-то исцелил меня». Женщина улыбнулась Жону, давая понять, кого имеет в виду. — «Хотя я и была на грани смерти, я помню, как ненадолго очнулась и увидела тебя. Ты сказал мне не волноваться, что исцелишь меня и я буду в безопасности».

«Я и не знала, что вы опытный медик, сэр», — заметила Винтер, видя, что Жон не возражает против рассказанного.

«Вовсе нет».

«Да? Но в таком случае»

«Это было проявление», — ответила вместо него Саммер. — «Он использовал свое проявление, спасая мою жизнь».

Проявление? Исцеляющее проявление? Применение такого умения открывало невероятные перспективы, и Винтер обрушилась на своего наставника с вопросами. — «Ты никогда не говорил мне, что у тебя есть такое проявление! Сэр», — добавила она после секундной заминки, желая соблюсти субординацию.

«Ты никогда не спрашивала».

Н-ну, это правда, и пару раз девушка удивлялась, почему наставник никогда не использовал особых способностей в их спаррингах. Винтер решила, что это потому, что он хочет обучать ее без использования проявления, чтобы не иметь несправедливого преимущества над ученицей. Вместо этого, оказалось, у него было проявление без боевого применения.

Редкое, но не уникальное... То, что Жон все это время сражался без боевого проявления, говорило только о его превосходных навыках. Как и ожидалось от ее наставника.

«Прости, что не узнал тебя», — наконец сказал мужчина, выходя из оцепенения. Он рассеянно погладил девочку по голове, и это заставило Эмеральд оторвать взгляд от десерта. Мятноволосая девчонка пристально уставилась на Руби Роуз, пока та не заметила это и не отодвинулась, прячась за спиной матери. Только тогда Эмеральд кивнула и вернулась к еде.

(цербер за работой)пер

«Я думал, что ты не вспомнишь мои слова, когда проснешься», — продолжил Жон. — «Или даже сочтешь это сном. Я не мог остаться, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. Мне нужно было... быть в другом месте».

И впрямь, в другом месте. Разве Саммер не упомянула, что была ранена в Вакуо?! Что Жон Ашари делал на другом конце света — это отдельный вопрос, не говоря уже о том, что привело его оттуда сначала в Атлас, а затем и в ряды Специалистов.

«Все в порядке. Ты сделал достаточно для меня, спасая мою жизнь. Я смогла вновь увидеть своих маленьких девочек». Женщина снова притянула Руби к себе. — «О, я должна обязательно представить тебя Янг, моей второй дочери, и Таю тоже. Это мой муж», — пояснила Саммер. — «Он знает о тебе, по крайней мере о том, что ты спас меня, и я знаю, что он тоже хочет встретиться с тобой».

«Ага...?»

Жон нервно рассмеялся, и если ей не показалось, он говорил немного... неохотно? Нет, точно не показалось. Это было хорошо скрыто, но после двух лет тренировок под его руководством Винтер считала, что достаточно хорошо читает подобные незаметные стороннему взгляду знаки, говорящие о том, что наставник действительно думает по этому поводу. То, как он

провел рукой по волосам, было типичным признаком его неуверенности, например когда она или кто-то другой спрашивал его, помнит ли он что-то, а он не помнил.

«Это будет здорово», — фонтанировала радостью Саммер. — «Не могу дождаться того момента, как представлю тебя ему, о, и Кроу конечно. Я знаю, Кроу захочет пожать тебе за это руку! К тому же, они перестанут думать, что я что-то напридумывала, пока была без сознания».

«Ха-ха. Ага...»

Винтер знала ответ Жона еще до того, как он произнес тот вслух.

«Дело в том...» — Он замолчал, пытаясь найти оправдание. Саммер тоже заметила это и выглядела почти обиженной. — «Я сейчас немного занят, поэтому не уверен, что у меня будет время встретиться с твоей семьей. Я очень сожалею об этом».

Лицо Саммер вытянулось. — «Ты должен, по крайней мере, обязательно встретиться с ними. Это бы очень много значило для меня».

Винтер непроизвольно кивнула. Хотя она понимала, почему это может быть неловко, она знала, что если бы ее жизнь была спасена кем-то, она бы захотела представить этого человека Вайс. С какого-то момента она уже хотела познакомить Жона с сестрой, хотя бы потому, что многому научилась у него. Какие у наставника проблемы с Саммер и ее семьей?

«Не то, чтобы я этого не хотел, но меня назначили ответственным за безопасность Витальского Фестиваля. До него осталось меньше недели, и мы порядком измотаны. Сегодня я хотел посвятить весь день исключительно Эмеральд, но мне все равно пришлось работать утром. У нас просто нет времени».

«Тогда после фестиваля», — взмолилась Саммер с внезапным отчаянием. Было ясно, что это многое для нее значит, и Винтер обеспокоилась, что это станет проблемой, если Жон не смягчится. — «Ты будешь свободен, когда все закончится, верно? Я не прошу многого, только чтобы ты позволил нам отблагодарить тебя должным образом».

Как ни странно, вовсе не Саммер вызвала у наставника наибольший отклик. Жон снова провел рукой по волосам и изобразил глубокую задумчивость, но лишь только Руби молитвенно сложила руки вместе, он замер.

«Пожалуйста, мистер Жон», — сказала малютка. — «Пожалуйста, познакомься с моими папой и сестрой».

Винтер никогда не видела его таким потерянным. Девочка имела над ним странную власть, по крайней мере, так казалось. Как будто Руби произнесла волшебное заклинание. Он не мог отвести глаз от нее и в конце концов неохотно уступил.

«После фестиваля...» — Жон судорожно сглотнул комок в горле. И отвел глаза. «Я встречу с ними после фестиваля».

Девочка очаровательно улыбнулась. — «Обещаешь?»

«Обещаю... Руби....»

Он сделал это. Он изменил будущее.

Жон, пошатываясь, вошел в квартиру, не обращая внимания на Эмеральд, которая сразу скользнула на диван и открыла новый комикс. Они останавливались перекусить с Саммер и Руби, так что не было необходимости готовить на ночь. Тем не менее, Жон прошел на кухню и уперся руками в раковину, глядя на свое отражение в зеркале.

Это... он не планировал это. Какая восхитительная ирония в том, что даже после того, как он изо всех сил старался ничего не менять, не принял Сана, не пошел с Реном и Норой и мириады других решений, его планы были разрушены в самом начале, еще до того, как он вообще решил, что не собирается делать никаких глобальных изменений. Все погубил простой жест сострадания. Как он мог стоять в стороне и не помогать нуждающимся, когда они умирали у него на глазах, и он мог это остановить? Мелочь, столь незначительная в общей схеме вещей, и все же, каким-то образом, где-то, он нашел и спас Саммер Роуз.

Какова вероятность... это даже не имело смысла считать.

Кто-то смеялся над ним прямо сейчас. Он не был уверен, Рен это или Нора. Обычно он называл бы Янг, но в этом случае она не будет смеяться. Она будет плакать на его плече, плакать от облегчения, обнимая его одной рукой, а Руби — рыдать на его втором плече. Но больше всего сердце разрывала та единственная мысль, что пришла в голову в тот момент, когда он понял, кто она.

Я совершил ошибку.

Жон опустил голову. Он открыл кран и плеснул пригоршню воды себе на кожу, оставив воду течь, и сделал несколько глубоких вдохов. Только когда сердце перестало колотиться, он выключил воду, хотя и не потянулся за полотенцем, а вместо этого позволил каплям стекать вниз по лицу. Спасение кого-то не могло быть ошибкой, и Руби пришла бы в ужас — и искренне обиделась бы, если бы услышала, что на короткий миг он так подумал о ее матери.

Руби... она такая маленькая, и все же это она. Не совсем такая-же, но достаточно похожа, чтобы в тот момент, как их глаза встретились, он почувствовал, как его сердце остановилось.

Первый друг, товарищ по команде, каменная стена для друзей. Мордашка-в-веснушках. Жон фыркнул, прикрыв глаза. В тот момент, когда девочка попросила его встретиться с семьей, он был потерян. Отрицать это было невозможно. Учитывая, что в последний раз он видел ее мертвой, он сделал бы все, о чем бы она ни попросила.

Даже если сейчас она совсем малютка. Эта мысль вызвала безумный смешок. У него начиналась истерика. Мужчина плеснул еще немного воды в лицо, пытаясь успокоиться, но замер, прижав руки к коже и хрипло дыша сквозь пальцы.

Прости, Руби. Я не мог встретиться с остальными в таком состоянии.

Он должен был отвергнуть мольбу Саммер, какой бы отчаянной она ни была. Если бы он увидел Янг рядом с Руби, то развалился бы на части прямо на месте. Этого не должно произойти в присутствии Кроу, иначе Озпин засыплет его вопросами. Как будто их уже не будет после всего произошедшего. Я сражался с Кроу по приказу Рейвен и теперь я спас Саммер. Если уж это не привлечет внимание Озпина, то я даже не знаю.

«Ебать меня...» — прошептал он.

«Это просьба или приказ?»

Жон резко обернулся, хотя в этом уже не было необходимости. Он мог видеть в отражении ее лицо рядом со своим. Рейвен стояла на кухне с самодовольной улыбкой и слегка заинтересованным выражением лица. Меч в ножнах спокойно висел у нее на боку.

«Ну», — продолжила она, — «Что из этого?»

«Ничего». Он провел рукой по лицу, вытирая остатки воды. «Что ты здесь делаешь? Как долго ты вообще здесь находишься?»

«С момента твоего маленького нервного срыва. Я не хотела прерывать тебя, и, учитывая, что я открыла портал прямо позади тебя, и ты этого даже не заметил, я не уверена, что смогла бы прервать тебя, даже если бы попыталась». Рейвен усмехнулась. «И это немного стыдно. Но если бы это был приказ, я бы поддалась искушению, учитывая, насколько убедительно это прозвучало».

На это минное поле он не собирался наступать. «Что ты здесь делаешь, Рейвен? Я не в настроении для шуток».

«О? Прошу прощения, Ваше Величество». Женщина отвела ногу назад и присела в реверансе. — «В следующий раз, прежде чем открыть портал между двумя континентами, я сначала магически проверю твое настроение. Мне явно нечем больше заняться». Рейвен закатила глаза и сделала шаг назад, полуобернувшись. — «Но если тебе не нужна информация, которую

я нашла и которую ты просил меня найти, я могу идти. Будем считать, что ответная услуга возвращена, и покончим с этим».

«Нет, нет, нет!» Жон рванулся вперед, широко раскрыв глаза. Наконец он заметил что-то под ее левой рукой, какую-то книгу. Он потянулся к ней, но Рейвен отскочила назад. Он знал, чего она хочет. Ее улыбка говорила сама за себя.

Глубоко вздохнув, Жон покаянно склонил голову. — «Рэйвен, прости меня за то, что я сказал. Ты пришла сюда, чтобы помочь мне, а я огрызнулся на тебя. Пожалуйста, прости меня».

«Хм, неа».

«Что?»

«Я тебя не прощаю. Хотя я уверена, что некоторые неудачники могут удовлетвориться простыми извинениями, ты обнаружишь, что я не «кто-то». Я Рейвен Брэнвен. Если ты хочешь моего прощения, тебе придется зайти дальше».

«Это... своего рода лицемерие».

«Мне жаль, если у тебя сложилось мнение, что я хороший человек», — Рейвен фыркнула от этой мысли. — «Тебе следовало бы лучше меня узнать». Она одарила его ухмылкой, которая болезненно напомнила о Янг. — «Можешь начать зарабатывать мое прощение выпивкой. Я только что пришла сюда аж из Мистралья и хочу пить».

«Ты открыла портал. И прошла буквально четыре шага».

«Дело не в количестве шагов, Жон. А в их качестве. Попробуй преодолеть такое же расстояние».

«Ты настоящая заноза в заднице». Жон вытащил из холодильника еще одну банку пива и открыл ее. Взяв еще одну для себя, он отнес обе к дивану, где Рейвен, скрестив руки за головой, решила непринужденно развалиться. Эмеральд нигде не было видно, но дверь в спальню была закрыта. Должно быть, она сразу же заметила Рейвен и удрала, в отличие от него, потерявшегося в своих мыслях.

«Здесь удобно», — Рейвен довольно вытянулась на длинной части дивана. Она сбросила сапоги, один за другим, и водрузила ноги в чулках на подлокотник. Все подушки были сложены в кучу под ее головой. — «Думаю, отныне я буду требовать этот диван для себя».

«Эмеральд могла бы возразить по этому поводу».

«Тогда ей следует накопить достаточно отваги, чтобы не убегать всякий раз, как я появляюсь». Рейвен взяла у него банку и наклонилась, чтобы сделать глоток, оставив Жона сидеть на гораздо меньшей одноместной половинке дивана. Атаманша издала звук одобрения комфорту и пиву, вытянув руки над собой. «Девушка может привыкнуть к такому отношению. Ты на полпути к прощению».

Жон фыркнул, но благоразумно воздержался от саркастического вопроса, потребуется ли ему сделать женщине массаж ног и всего тела, чтобы добраться до конца пути. Зная ее, она потребует этого, хотя бы для того, чтобы ответить на вызов. Гораздо безопаснее просто выполнять то, что она хочет, и принимать это маленькие милости такими, какие они есть.

«Тебе удалось выяснить, как контролировать силы Девы?» — спросил он вместо этого.

Рейвен улыбнулась, но стала немного серьезнее. «По большей части. Они не доставляют мне проблем, даже если я еще не научилась использовать их для чего-то, кроме уничтожения всего на обширной территории. По крайней мере, я контролирую себя лучше, чем то слабовольное отродье до меня».

«А Вернал?»

«О, интересно?» Рейвен усмехнулась. — «Она узнала, что я навещала тебя. Она была очень взволнована, особенно желая выяснить, где ты находишься».

«Это не то, что я имел в виду. Ты уговорила ее притвориться Девой Весны?»

«Нет». Она фыркнула и откинулась назад. — «Я решила этого не делать».

Боги, еще одно изменение, и еще одно, которое он совершенно не планировал. Просто сказать, что Вернал умрет, не более чем зернышко сомнения, посеянное в голове Рейвен, но достаточное, чтобы изменить ее окончательное решение. Жон сглотнул, не зная, радоваться ему или нет. Само по себе то, что Саммер осталась жива, было достаточно серьезным изменением будущего, но если никто не подумает, что Дева Весны с племенем Рейвен, это могло означать, что Рейвен не вмешается, когда позже Синдер устроит им засаду, и спасения не будет.

(Жон рассуждает о событиях канона. Пр. пер.2)

(Жон рассуждает о событиях что произошли и считает это умными мыслями. Впрочем Жон и «умные мысли» это две непересекающиеся прямые)пер

Его импульсивные слова могли обречь Руби и остальных на смерть от рук Синдер. Если только он позволит событиям будущего зайти так далеко. Это то, что я должен изменить. Если это означает, что Рейвен там не будет, тогда мне нужно убедиться, что эта встреча никогда не

произойдет, либо остановив Синдер, либо предотвратив падение Бикона. Ну, не то чтобы прежде он не собирался этого делать. Может быть, это не так уж и важно.

«Я решила оставить силу при себе. Пусть Озпин и Кроу думают, что хотят. Если они придут искать ее, я просто скажу, что Дева сбежала. Не то чтобы они могли доказать обратное».

«Думаешь, это сработает?»

«Не могу найти в себе силы беспокоиться об этом. Я им ничем не обязана. Они уже убеждены, что я малодушна. То, что я прогнала ее, потому что боялась последствий, не должно их удивить».

«Озпин здесь, в Атласе», — заметил Жон, и Рейвен мгновенно напряглась, прежде чем медленно расслабиться.

«Витальский Фестиваль? Думаю, это логично. Ты столкнулся с ним?» Жон кивнул, и Рейвен фыркнула. — «Даже не могу представить, насколько это было забавно».

«Это было довольно неловко», — подтвердил он. Даже если все было не так, как она себе представляла. — «К счастью, Кроу еще не заметил меня, так что мне не придется иметь дело с ним, сообщаящим Озпину, что я работал с тобой. Кстати, спасибо тебе за это».

Рейвен усмехнулась. — «Повезло тебе со мной. И не за что».

«Сегодня я встретил кое-кого еще», — добавил мужчина, с любопытством наблюдая за ее лицом. — «Я думаю, она была твоей старой напарницей».

«Саммер?» Рейвен подняла бровь, но в остальном не выказала никакого удивления. «Да? Не ожидала, что маленькая плакса будет здесь». Рейвен улыбнулась старому воспоминанию. — «Ну и что? Только не говори, что ты и с ней поссорился. Что ты умудрился сделать для этого?»

«Не совсем». Поначалу Жон был разочарован тем, что Рейвен не выказала особого удивления, но быстро понял, что это потому, что у нее не было причин удивляться. Для нее Саммер никогда не была в большой опасности. Саммер была не потерянным товарищем по команде, но просто еще одним человеком, с которым атаманша рассталась. Услышать, что она жива и здорова в Атласе, просто не имело особого значения. «На самом деле, она буквально загнала меня в угол. Оказалось, я спас ей жизнь в Вакуо, не осознавая этого. Она искала меня всюду, чтобы сказать спасибо».

Это привлекло пристальный взгляд Рейвен. Ее веселье исчезло, сменившись чем-то гораздо большим. — «Похоже, здесь есть какая-то история».

«Не такая уж интересная. Я нашел Саммер при смерти в Вакуо и использовал свое проявление,

чтобы подлатать ее. Я не узнал ее, и оставил с местным племенем. Она пришла в себя, вспомнила мое лицо и выследила меня».

«Хм. Твоя дочурка, должно быть, любит, когда ты рассказываешь ей истории, если ты прилагаешь столько усилий. Я не знала, что она чуть не умерла...» — Рейвен секунду колебалась, мгновение, которое можно было бы назвать слабостью, прежде чем покачала головой и вновь улыбнулась, все признаки беспокойства исчезли. — «Неплохо, но только не говори мне, что ты собрался приударить за Саммер, так же как за Вернал и мной. Ты чрезмерно амбициозен».

«Я не знал, что встал на пути любви Рейвен Брэнвен. Как мне выйти?»

Рейвен ухмыльнулась и поднесла палец к губам. Она插вила его, старательно обсосала и вытащила с громким хлопком. — «Тебе действительно нужно, чтобы я научила тебя, как выходить?»

Жон застонал и с трудом поборол румянец смущения. — «Я не это имел в виду». Он снова застонал, когда Рейвен расхохоталась. Черт бы ее побрал. Тайян всегда казался слишком серьезным для ужасного чувства юмора Янг. Теперь все встало на свои места. — «Тем не менее, я не принимал тебя за человека, который играет за другую команду», — съязвил Жон, надеясь выиграть этот раунд. — «Каждый день узнаешь что-то новое».

«Хорошая попытка, но это был мой брат-идиот. Он слишком сильно впитал культуру Королевства, а Саммер безнадежно романтична. По-моему, он был от нее без ума, хотя она этого и не замечала». Рейвен допила пиво и бросила банку на стол. «Мой брат-идиот. У него так и не хватило смелости просто сказать ей об этом».

«Ты действительно хочешь поделиться со мной секретами своего брата?»

«Ты ждешь, что я почувствую себя виноватой? Это может занять некоторое время».

«Этого следовало ожидать». Жон собирался сделать еще глоток, но Рейвен многозначительно посмотрела на банку в его руке. Хотя кухня была недалеко, он чувствовал себя слишком комфортно, чтобы двигаться. Мужчина со вздохом протянул ей банку.

«Хм, думаю, ты прощен», — глаза женщины встретились с его, и она поднесла банку к губам, нежно целуя металл и даже облизав его язычком. Намек не остался незамеченным, и Жон снова густо покраснел. Плевать, пусть смеется опять. — «Иногда с тобой слишком просто. Вот». Она бросила книгу на прозрачный столик. Та приземлилась с глухим стуком, вызвав дребезг стекла.

(Жон не какой-то там ояш, его не проймешь непрямым поцелуем. Пр. пер.2)

(Его Пирра засосала по самые гланды и его это проняло спустя месяцы если не годы.

Непрямой поцелуй даже не поцарапает танковую броню девственности Жона)пер

«Итак...» — начал он, поднимая книгу.

«Страницы, которые тебе нужны, загнуты», — лениво сказала она. — «Прочитаешь потом, потому что после полутора недель книжных раскопок я не хочу даже нюхать эти пыльные старые страницы. Кстати, не за что».

Опять забыл поблагодарить. Теперь это стало почти традицией. Она произнесла это с пренебрежением, но Жон держал важную книгу в руках. — «Спасибо, Рейвен. По настоящему спасибо!»

Мгновение женщина задумчиво смотрела на него. В конце концов, она закатила глаза и перевернулась на спину, закинув одну руку за голову, и выпила еще пива. Это было понятно, как и молчаливое указание не изливать на нее больше благодарности, чем он уже сделал. Жон на мгновение задержал взгляд на женщине, скрывая это прикосновением к обложке книги. Рейвен выглядела усталой. Под глазами у нее залегли тени, и то, как она развалилась на диване, выглядело слишком вяло. На ее обычно гладкой коже появились морщинки.

Возможно, с ее стороны дела идут не так хорошо, как она хочет мне показать. Может быть, она не настолько овладела силами Девы, как рассказывала, а может, и овладела, но это дорого ей стоило. В любом случае, она бы мне не сказала. Она не позволит себе выглядеть слабой.

«Ты собираешься остаться на фестиваль?» — спросил Жон.

«Хм?» Рейвен очнулась от своих мыслей и посмотрела на него. «Нет. Зачем?»

«Из любопытства».

«Смотреть, как дерутся дети, это не мое любимое развлечение, и находиться так близко к Озпину тоже». — И к Тайяну, и Кроу, почувствовал он недосказанность, но мудро промолчал. Странно, что она никак не отреагировала на имя Саммер. Он почти ожидал, что она будет злиться на своего старого товарища по команде, но, похоже, между ними не было никакой настоящей вражды. — «Кроме того, племя может возмутится, если я исчезну больше чем на одну ночь».

«Больше чем на ночь? Подожди, ты собираешься остаться, не так ли?» Ее ленивая улыбка была единственным ответом. «Прекрасно. Кажется, я снова сплю на диване?»

«Кровать достаточно велика для двоих».

«Значит, диван».

Рейвен рассмеялась. — «Ты такой девственник. Не беспокойся, я чувствую себя вполне комфортно прямо сейчас и не хочу вставать. Принеси мне одеяло, и мы квиты».

Хотя внешне он никак не отреагировал, это удивило его еще больше. Как же она устала, что не может заставить себя пройти короткое расстояние до кровати, которая, как они оба знали, будет намного удобнее? Ответ был очевиден к тому времени, когда он вернулся от бельевого шкафа — Рейвен крепко спала, тихонько посапывая и свесив руку с дивана.

Что такого ты делала в Ремнанте? Действительно ли книгу было так трудно достать, или же произошло что-то еще, чего он не знал? Возможно, Салем напала на племя. В действительности, это могло быть что угодно. Рейвен не скажет ему. Покачивая головой, Жон расправил одеяло и накрыл ее. Он также наклонился, чтобы поднять банку, которую она уронила, и поставить обратно на кофейный столик. Это сблизило их лица, достаточно, чтобы он осознал, насколько же она была похожа на Янг, когда не была занозой в заднице или агрессивной убийцей.

Красота женщины сейчас выглядела почти хрупкой — хотя он знал, что если скажет это вслух, то заработает пинка. В конце концов, оружие у нее было при себе.

Жон встал, на цыпочках подошел к книге, взял ее под мышку, бесшумно проскользнул в спальню и прикрыл за собой дверь. Часы на столике показывали почти одиннадцать, а это означало, что, как бы ему ни хотелось, он не может сесть и прочитать все. Завтра вставать в шесть.

Он сел и рассмотрел обложку. Археологические Находки Второго Периода. Он не узнал автора, но это имело смысл, учитывая, что, если верить датировке книги, ей было более двухсот лет. Обложка местами потрескалась, но за ней тщательно ухаживали. Это была одна из тех штук, которые должны быть в музее, и он осознал, со вздохом отчаяния, что это и была одна из тех штук, которая, вероятно, была в музее еще неделю назад.

Чудненько. Возможно я увижу это в новостях. Ему придется избавиться от книги, предпочтительно таким образом, чтобы музей смог вернуть ее. Хотя, конечно, только после того, как он просмотрит книгу. Рейвен, кажется, думает, что в ней будут ответы, которые он искал. Как ни странно, хотя он открыл книгу на случайной странице, это оказалась та, где Рейвен согнула страницу в качестве закладки. Там был карандашный рисунок, практически набросок, казалось, сделанный углем прямо на странице. На нем было изображено странное сооружение, какое-то здание или ворота, хотя и высеченные в скале, как какие-то древние руины. В центре была дверь, все еще закрытая и без видимых трещин или отверстий. На двери был вырезан странный символ, вертикальный глаз на фоне чего-то вроде колеса со спицами.

(Для визуализации — знак Тзинча на фоне символа Хаоса Неделимого, все совпадения и неумная любовь Жона к Хитрым Планам абсолютно случайны. Пр. пер.2)

(я даже не буду это комментировать. просто загрузите символ салем и будет вам счастье)пер

Тот же символ, что был выжжен на тыльной стороне его левой руки.

Символ Салем.

«Что-то не так?»

«А?» — Саммер вскинула голову, удивленная и немного сбита с толку тем, что вопрос обращен к ней. Однако в спальне больше никого не было. — «Ч-Что? Я в порядке. Что ты имеешь в виду?»

«Просто ты была такой тихой», — сказал Тайян. — «Что-то случилось сегодня днем?»

«Ты имеешь в виду, что-то кроме того, что Руби сбежала и врезалась в кого-то».

Муж фыркнул: «Кроме этого».

«Нет, ничего не случилось. Я просто... задумалась».

«Ну, если тебе понадобится в этом помощь, просто скажи. Я всегда готов тебе помочь».

Щеки Саммер вспыхнули, и она хлопнула мужа по плечу. «Это было так банально!»

«Но заставило тебя рассмеяться. Я буду считать это своей победой».

«Я смеюсь над тобой, Тай».

«Все лучше, чем хмуриться». Он наклонился и поцеловал ее, Саммер прижалась к нему. Сегодня вечером ничего большего не будет, не с тонкими, как бумага, стенами, которые отделяли их от общей комнаты, в которой сейчас спали дочери. — «Спокойной ночи, дорогая».

«Спокойной ночи, Тай».

Когда ее голова снова упала на подушку, хмурое выражение лица сменилось улыбкой. Невозможно было не ощутить, как сильно он ее любит, и она надеялась, что Тай знает, насколько глубоко она отвечает ему взаимностью. Муж был ее опорой, как в команде, так и в жизни, хотя, он всегда утверждал, будто всю работу делала она. Саммер не могла представить себе жизни без него.

И каким-то странным образом это заставило ее снова подумать о нем. Ее спасителе. Человеке, чье лицо преследовала ее во сне. Смутное воспоминание о том моменте, когда он исцелил ее. Она вспомнила его нежные слова, его добрые глаза, руки, которые забрали боль и то, как он мягко уложил ее обратно, успокоил, а затем спас ей жизнь, гарантируя, что она сможет вернуться к тем, кого любит, обеспечив то, что она вообще может быть здесь, чувствуя тепло Тайяна за спиной.

Не было никаких планов того, что она сделает, когда найдет его. Если она его вообще найдет. Конечно, она хотела поблагодарить его, как и Тайян, Кроу или Озпин, но этого было недостаточно. Саммер хотела, чтобы он стал частью ее жизни. Она хотела, чтобы он был другом, товарищем по команде, частью семьи. Ей хотелось увидеть, как они с Таем оживленно болтают, как его доброта вознаграждается улыбками и смехом. Имея это в виду, она часто задавалась вопросом, каким он был, как человек. Будет ли он веселым, остроумным, или наоборот, слишком серьезным? Она чувствовала, что он должен быть счастлив, с проявлением, позволяющим спасти людей.

А потом она нашла его — и он не был счастлив.

Тайян, вероятно, был прав, говоря, что она весь вечер была взволнованной, потому что не могла выбросить своего спасителя из головы. То, как он смотрел на нее, словно не был уверен, существует ли она. Как он застыл, когда Руби дотронулась до него. Она видела много людей, которые не знали, как вести себя с детьми, и она знала, что его реакция была совершенно не такой. Он не смотрел на Руби так, будто понятия не имел, что делать с приставучим ребенком. Он смотрел на нее так, словно вот-вот заплачет. Как будто увидел призрака.

Это выражение лица Саммер встречала уже много раз. Выражение, связанное с ее работой как охотницы. Иногда она видела это на лицах своих друзей и коллег, а иногда — на лицах тех, кого она спасла, но просто немного опоздала.

Это была скорбь. Это было чувство утраты. Это было лицо человека, который когда-то имел все, что сейчас было у нее, всю любовь и радость семьи, а теперь нет. Это было лицо человека, у которого отняли всех. Так мог бы выглядеть Тайян, если бы ее не вернули с порога смерти. Жон Ашари спас ее от этой участи, но по мере того, как продолжался их совместный обед, Саммер пришла к ужасающему осознанию.

Никто не спас его.

И в каком-то смысле, сама того не желая, она вновь вернула Жону Ашари все эти тяжелые воспоминания. Это было ясно, если не по тому, как он себя вел, то по тому, насколько смущена была его помощница. Она вела себя так, будто не узнавала своего наставника, что было верным указанием на то, что он никогда не вел себя так раньше, или, по крайней мере, не перед девушкой. Без сомнения, Саммер знала, что вызвало эти ужасные чувства.

Неужели он потерял возлюбленную, друга, ребенка — такого же маленького, как Руби, — что объясняло, почему он замкнулся, когда ее драгоценное дитя приблизилось к нему? Потерял ли

он все это или было что-то еще? Неужели человек, спасший ее, не смог спасти себя?

Сама эта мысль причиняла боль, но многое объясняла.

Повернувшись на другой бок, Саммер искала утешения в объятиях Тайяна, и даже во сне он принял ее, притягивая к себе, пока она не почувствовала, что все ее страхи и тревоги исчезли, сменившись привычным чувством, которое она знала только как Тай и утешение. Закрыв глаза, женщина осознала, чего хочет и что должна сделать.

«Я хочу спасти его...»

«Приятель, ты выглядишь дерьмово. Что случилось?»

«Тяжелая ночь», — ответил Жон на вопрос Эхо, садясь за стол. — «Выпил пару стаканчиков, кое-кто пришел, и я не спал всю ночь». Жону потребовалась минута, чтобы сообразить, как это звучит, и ровно три секунды, чтобы заметить откровенно гадкую ухмылочку, с которой Эхо на него смотрел. — «Это не то, что ты думаешь. Я всю ночь читал книгу».

«Этот «кто-то» была женщина, с кем ты почитывал книжку всю ночь?»

«Угу».

«И ты всю ночь просто читал...?»

«Да. И?»

Эхо театрально вздохнул и сделал рукой жест «ты безнадежен». Даже Фокстрот и Дельта засмеялись. Винтер — нет, а она отмалчивалась с момента знакомства с Руби и Саммер. Он ждал неизбежных вопросов, но у девушки, похоже, их не было.

«А где твоя знакомая спала?» — спросил Дельта.

«На диване».

«Пока ты занял кровать?» — поинтересовалась Фокстрот.

«Это был ее выбор. Слушай, прекращай видеть в этом то, чего нет. Она замужняя женщина.

Или была».

«А сейчас нет?»

Жон вздохнул, — «Это сложно».

«Не похоже на то, приятель. Судя по всему, она так же одинока, как и ты, и чувствует себя достаточно комфортно, чтобы прийти и провести с тобой ночь».

«Оставь это, Эхо. Я сказал, что это сложно и это именно так». — Не говоря уже о том, что это Рейвен, существовала проблема, что технически — очень технически — в минувшем будущем она по возрасту годилась ему в матери. — «Как насчет подготовки к фестивалю? Мы закончили?»

«Насколько это возможно. Нам просто осталось спланировать твою прощальную вечеринку».

Жон поднялся с улыбкой. «Удивите меня».

Эхо выглядел удивленным. — «Ты уверен? Это смело».

«Мне бы хотелось думать, что это скорее умно. В конце концов, если это сюрприз, то я не могу знать об этом, а значит, ты не можешь втянуть меня в подготовку». Театрально зевнув, Жон взглянул на часы. — «Что, по-моему, означает, что я ухожу в четыре. Спасибо за это».

«Сукин ты сын...»

«Ты же понимаешь, что Эхо еще заставит тебя заплатить за это на вечеринке», — заметила Фокстрот, облокотившись на стол Жона, когда все успокоились и вернулись к работе. Делать было особо нечего, а это означало, что они просто перебирали в уме то, что уже сделали, и притворялись занятыми. В противном случае, Айронвуд может узнать и действительно найти им новые задачи.

Проклятье. Это не лень. На этот раз они заслужили легкий отдых.

«Эхо? Да, но я и так жду, что они выкинут какую-нибудь неловкую ерунду. Если это все равно произойдет, я могу оставить всю работу им».

«А мы хорошо тебя обучили. Что с ней случилось?» Хотя в этом не было необходимости, Фокстрот незаметно кивнула в сторону Винтер, которая по-прежнему молчала в углу, ожесточенно штампуя бумаги и вообще оставаясь для внешнего мира мертвой. «Только не говори мне, что это она была у тебя вчера».

«Что? Нет!» — последовало тихое возмущенное шипение.

«О, слава богам».

«Я не...» — мужчина вздохнул. — «Прошлой ночью ничего не произошло. Старая знакомая зашла и спала на моем диване. Мы вообще ничего не делали. Что случилось с Винтер... я не знаю. Вчера я встретил кое-кого еще, кому я помог в прошлом и она хотела поблагодарить меня. Винтер было неловко на протяжении всего обеда-»

«Ты пригласил Винтер на обед с другой женщиной?»

«Это была замужняя женщина!» Скептически поднятая бровь Фокстрот указывала, что вопрос остается открытым. — «Тьфу, ты невозможна. Приглашения не было. Она просто узнала меня и потащила туда, где могла объяснить, кто она такая, и поблагодарить за спасение своей жизни. С едой», — добавил Жон, прекрасно понимая, что если он этого не сделает, кто-нибудь из команды November придумает что-нибудь пошлое. — «И ее дочь тоже была там. Ее девятилетняя дочь».

«Хорошо, хорошо. Может, она просто нервничает из-за боя. Завтра у Винтер первый раунд соревнований».

«Не понимаю, почему она нервничает. Она достаточно хороша, чтобы выиграть все бои».

«Ты такой идиот...» — Фокстрот в отчаянии покачала головой. — «Ты можешь так думать, и, черт возьми, я не спорю, но ты действительно думаешь, что она так считает? Неважно, насколько ты хорош. От нервов никуда не деться. Не говоря уже о том, что на нее давят сильнее, чем следовало бы».

«Что ты имеешь в виду?»

Женщина бросила на него взгляд, как будто услышала что-то особенно глупое. «Хм, SDC? Или, знаешь, пресса, внимание, все эти слухи, тот факт, что она перескочила на два года вперед и прискорбно несовершеннолетняя для этого — или, может быть, после фестиваля ей нужно будет объявить, что она присоединяется к военным, и мы все знаем, как мало это понравится ее отцу». Фокстрот стукнула его кулаком по голове. — «Что-нибудь из этого приходило тебе в голову, гений?»

«Ладно, ладно». Жон потер голову и вздохнул. Это он мог понять. Не похоже, чтобы Янг или Руби не нервничали перед толпой, несмотря на то, что они были более чем способны побеждать. — «Но что я по твоему могу сделать? Я не могу остановить это».

«Нет, но ты можешь отвлечь ее. Уведи ее. Отведи помощницу на тренировку или еще куда-нибудь».

«А как же работа?»

«В любом случае, мы почти закончили. Последнее, что мы выясняем, сколько охранников будет стоять у стенда Белого Клыка». Фокстрот заметила его замешательство и уточнила: — «В рамках мирных инициатив Айронвуд предоставил Белому Клыку небольшой стенд на Амители, чтобы раздавать материалы и общаться с людьми. Он надеется, что, позволив им сделать это официально, сдержит любую попытку чего-то более драматичного».

«Думаю, в этом есть смысл».

«Да. Но там будет Гира Белладонна. Главный босс. Если с ним что-нибудь случится...» — она провела рукой по горлу и съежилась. — «Тогда все Менеджеры возьмется за оружие. Чарли думает, что двух охранников будет достаточно. Дельта хочет целый гребаный линкор над парнем».

«И каков окончательный консенсус?»

«Думаю, Чарли справится сам, вместе с небольшой командой. Теперь осталось просто убедить Белый Клык, что вооруженное присутствие для их защиты, а не потому, что мы не доверяем им или хотим ограничить их права. Очень веселое занятие, уверяю тебя», — закатила глаза специалистка. — «Возьми свою маленькую любимицу подышать свежим воздухом. Бедная девочка определенно нуждается в этом».

Бросив быстрый взгляд на Чарли, он получил молчаливое одобрение уйти пораньше и направился к столу Винтер. По правде говоря, девушка больше пыталась отвлечься, чем работала, суетясь над цифрами и данными, которые уже были обработаны, и бюджетом, который не просто был сбалансирован, а скорее высечен в камне. Жон осторожно взял документы из ее рук и положил на стол.

«М-Мистер Ашари!» Винтер, вздрогнув, очнулась от своих мыслей. — «Простите, я...»

«Пойдем. Давай сделаем перерыв на улице».

«Перерыв, сэр? Я все еще могу работать. Еще не время обедать».

«Нет, но если бы ты была на занятиях, у тебя уже было бы свободное время. Твой первый бой завтра». Жон заметил, как она поморщилась от напоминания. — «Тебе не следует столько работать перед этим. Как насчет легкого спарринга, чтобы выбросить мысли о завтрашнем матче из головы?»

Винтер глубоко вздохнула и отбросила мрачные мысли. — «Думаю, мне это необходимо».

На этот раз был довольно безветренный день, что означало, приятную прохладу, идеальная

погода для напряженной тренировки. Хотя, возможно, было бы разумнее найти место подальше от школы и глаз потенциальных конкурентов, они не будут сильно напрягаться, осознавая, сколько упреков они получают, если Винтер потянет мышцу. А так, только несколько человек остановились, чтобы посмотреть, и никто из них не выглядел достаточно заинтересованным, чтобы делать заметки или записать стиль боя Винтер, чтобы использовать против нее позже. Большая для них потеря, на самом деле. Это было бы правильным решением.

«Мы будем больше болтать, чем драться», — сказал он, обнажая *Strosea Morgs*. — «Мы будем останавливаться после каждого успешного удара и обсуждать ошибки. Это будет настолько бесконтактно, насколько мы сможем».

«Могу я воспользоваться пылью?»

«Никакой пыли. Не будем показывать твоим возможным конкурентам слишком много».

Винтер кивнула и вытащила саблю, взмахнув ею раз или два, чтобы размять мышцы. Примерно год назад у нее была привычка обнажать спрятанный в сабле кинжал, но время, проведенное в Специалистах, выбило из нее эту привычку. Скрытое оружие было таковым только в том случае, если ты сохранял его скрытым. Не было смысла демонстрировать его во время маловажного боя. Спарринг есть спарринг. Она не раскроет свой козырь перед конкурентами.

После кивка друг другу, бой начался, и Винтер ринулась вперед, желая не удивить наставника — это было невозможно, — а сбить его с толку и вывести из равновесия. Такая безрассудная агрессия погубила бы ее, будь она действительно безрассудной. Ее глаза скользнули по телу мужчины, и она на мгновение сделала вид, что отреагировала на его настороженность, извернувшись и мельком взглянув назад. Ученица дразнила его тем, что открылась для удара, что, как он знал, было слишком очевидной ошибкой, чтобы существовать на самом деле, и она проворчала, когда он не попался на уловку.

«В следующий раз постарайся выглядеть более встревоженной», — крикнул он, шагнув вперед и целясь ей в ноги. — «Твои глаза выдают хитрость».

«Буду иметь в виду». — Сабля сцепилась с мечом, и девушка не могла надеяться на победу из-за разницы в силе. В тот момент, когда он оттолкнул ее клинок, защита девушки ослабла, но все произошло слишком быстро, и она уже двигалась, оставляя его слишком раскрывшимся. Она не успевала вовремя развернуть свой длинный клинок, поэтому развернулась сама и ударила наставника коленом в бок, прямо под грудную клетку. — «Удар!» — довольно заявила ученица.

«Я имел в виду удар оружием», — кашлянул Жон.

«Но вы этого не сказали».

«Ты слишком много времени проводишь с нами. Кажется мы научили тебя плохому». Жон рассмеялся и встряхнулся. Он дважды коснулся кончиком меча земли, а затем поднял его перед собой в салюте фехтовальщика. — «Тогда молодец. Очко в твою пользу. Но я надеюсь, ты понимаешь, что теперь те же правила действуют и для меня».

Винтер недолго радовалась тому, что взяла инициативу в свои руки.

Эмеральд решила, что, хотя она и не ходит в школу по настоящему, она ее все равно ненавидит. Если и было что-то, из-за чего она действительно жалела детей с семьей — и это, вероятно, было только одно — то, что они должны были посещать такие места годами. Она понятия не имела, как им это удавалось. Через год она сама повесилась бы в ванной. Достаточно того, что ей приходилось посещать школу Академии Атлас в тех редких случаях, когда некому было присмотреть за ней из-за миссий Улыбающегося Человека. В такие моменты за ней должен был присматривать ответственный взрослый.

Что, кстати, было действительно глупым законом. Что она такого сделает в квартире одна, будет слишком много читать и испортит глаза? Наберет слишком много веса, сидя на диване? Но нет, она должна идти и проводить время с самой большой коллекцией безнадежных идиотов, которую она когда-либо встречала. По сравнению с ними Винтер была святой.

Не то чтобы это сильно улучшило положение Винтер. Она просто превратилась из абсолютно ужасной в чуть менее ужасную. Эмеральд просто создала уровень ниже того, на котором стояла Винтер, и кинула туда всех придурков, которые здесь учились.

Обеденный перерыв был ее единственной передышкой, и как ни редко она появлялась в школе, все за эти два года поняли, что тихой зеленоволосой девушки в углу следует избегать любой ценой. Она была такой же злой, как и выглядела, и не боялась вытереть тобой асфальт, если ты будешь ее доставать. Когда главный хулиган попытался отобрать ее обед, это было почти ностальгически, тем более, что она пряталась за туалетами, чтобы лучше сохранить свою еду в безопасности. Прятаться в переулке с полусгнившим хлебом — совсем как в старые добрые времена.

Что не было похоже на улицы, так это то, как сильно плакала эта киска, когда Эмеральд защитила свою территорию, или как злилась женщина, присматривающая за ними. А чего она ожидала? Разве это не школа для подготовки охотников? Эмеральд была вынуждена сидеть одна в классе.

Хотя наказания вскоре изменились, после того, как на третий день она отпинала первого попавшегося ученика, и до учителей дошло, что ей нравится изоляция. Теперь Эмеральд заставляли вставать перед классом и громко говорить о том, как ей «жаль».

«Мне так жаль, что ты оказался настолько никчемным, что я вырубила тебя с одного удара, когда ты бросил мне вызов».

Ага, все прошло не очень хорошо.

В любом случае, теперь у нее есть репутация — уличная репутация, — и это хорошо. Ее улыбка была не такой впечатляющей, как у Улыбающегося Человека, но ей нравилось думать, что он гордится тем, что никто не смеет с ней связываться. Но кое-кто, кажется, не слышал о ее репутации, что объясняло, почему она столкнулась с двумя самыми раздражающими девчонками на свете, ни одна из которых, казалось, не понимала, что на самом деле означает «отвали и сдохни».

«Это она?» — высокая девчонка спросила маленькую. — «Ты уверена?»

«Я знаю, кого я видела, Янг. Это его дочь».

«Хех». Высокая девочка-блондинка протянул руку. — «Рада познакомиться. Я слышала, твой отец спас жизнь моей матери. Меня зовут Янг, а это Руби. Давай будем друзьями».

Друзья? Что это вообще такое и можно ли это съесть? Ладно, она была не настолько плоха, и знала, что такое друзья, но это раздражало. Малышка подпрыгивала на месте с такой энергией, что у Эмеральд от одного ее присутствия начинала болеть голова, а у высокой, хоть и более спокойной, была слишком яркая и жизнерадостная улыбка.

«Разве он не взял с тебя обещание никому не говорить?»

«А?»

«Твоя мать обещала никому о нем не рассказывать», — повторила Эмеральд. — «До тех пор, пока он не встретится с твоей семьей после фестиваля. Потому что иначе это отвлечет его от работы».

«Н-ну да, но я никому не говорила!»

Эмеральд многозначительно посмотрела на Янг.

«О, это же просто Янг. Я не говорила ни папе, ни дяде Кроу».

Эмеральд ждала, что девочка поймет свою ошибку, но так и не дождалась. Неужели она настолько глупа? Похоже, так оно и было, потому что ее улыбка сияла ярче солнца, и она выглядела так, словно была уверена, что они трое будут лучшими друзьями.

«Твой отец неплохой мужик», — сказал Янг. Устав ждать рукопожатия, девочка сама схватила Эмеральд за руку и пожала ее. — «Было очень страшно услышать, что мама тогда чуть не умерла, но теперь она здесь благодаря ему, так что я думаю, он довольно крутой».

Эмеральд оцепенела.

Довольно крут?!

Лол, нет. Это просто невозможно. Эта дуреха, которая, казалось, думала, что ее собственный отец был так же хорош, или даже лучше, чем Улыбающийся Человек, могла пойти и убиться об стену.

По крайней мере, та, что поменьше, благоговела перед Улыбающимся Человеком, что, по мнению Эмеральд, было правильной реакцией. Руби заработала за это немного благосклонности. Не дружбу как таковую, но Эмеральд с ней смирится. Но она не могла представить, что будет жить с ними. Конечно, время от времени он уезжал кого-нибудь убить и что-нибудь взорвать и ей приходилось готовить самой, но, по крайней мере, он не был таким. Он покупал ей книги, и она получила собственную комнату и ела сладости, когда хотела. Долбанная Кровавая Леди была не очень приятным дополнением, но девочка мирилась с ней, потому что он мирился. Для нее этого было достаточно.

Если подумать, блондинка выглядела совсем как Кровавая Леди, только без крови и с волосами намного светлее. Это не слишком-то понравилось Эмеральд, даже до того, как дуреха не выказала должного уважения ее отцу- владыке. Эмеральд осознала, что разглядывала блондинку слишком долго, когда девочки перестали разговаривать с ней и схватили ее за руки. Она тут же попыталась вырваться, но они были сильны! Намного сильнее, чем большинство детей их возраста.

«Пойдем. Мы должны поиграть вместе».

«Я не играю», — огрызнулась Эмеральд. — «Я не такой ребенок, как вы».

«Тогда чем ты занимаешься?»

«Я читаю. Я тренируюсь».

«Ух, ты будешь охотницей?»

Эмеральд колебалась. Она до сих пор не знала, чего он от нее хочет, и она станет охотницей, только если он захочет, чтобы она была охотницей. Кем бы он не сказал ей стать, она станет. Так есть и так будет. — «Может быть», — ответила девочка наконец. «Я должна быть сильной».

Если она станет же сильна, как Кровавая Леди, то будет так же полезна, как и она — и он

никогда не избавится от нее, как никогда не избавлялся от этой женщины, когда бы она ни заявлялась погостить.

«Мы тоже будем охотницами», — похвасталась Ян. «Мы можем тренироваться вместе. Давай устроим спарринг».

Спарринг? Драка? Эмеральд оскалилась, увидев возможность избавиться от этих двоих раз и навсегда и, наконец, вернуть себе покой и тишину. Конечно, у нее не было с собой оружия, но она знала толк в рукопашном бою и была уверена, что сможет побить пустоголовую бимбу своего возраста.

Что может пойти не так?

Окончательный счет был шесть к двум, и хотя Винтер не выглядела обрадованной результатом, Жон был доволен. Первую победу девушка одержала, застигнув его врасплох, но вторую она одержала, проведя хорошо рассчитанный по времени и точный подкат под его замах, чтобы пройти ниже его защиты и чиркнув оружием по его бедру. В настоящем бою это не принесло бы ей ничего хорошего, но это был не реальный бой, и он одобрял ее нестандартное мышление. Это было то, чего Вайс всегда недоставало.

«Хорошо. Это было здорово! Наверное, нам стоит остановиться. Не хочу, чтобы ты слишком устала перед завтрашним боем. Ты чувствуешь себя немного спокойнее?»

Винтер кивнула. — «Спокойнее, сэ-... Жон. Я извиняюсь за то, что была такой рассеянной утром».

«Я же говорил, что тебе не о чем беспокоиться». — Ему вспомнились слова Фокстрот, но на всякий случай Жон уточнил: — «Это ведь не из-за вчерашнего, не из-за того, что я не рассказал тебе о своем проявлении или о встрече с Саммер?»

«Что? Нет, нет», — она покачала головой. — «Ты спас ей жизнь, как и следовало ожидать от такого человека, как ты».

«Такого человека, как я?»

«И то, что ты не раскрывал свое проявление, не имеет большого значения. Если бы я была ранена на миссии-»

«Тогда я исцелил бы тебя. Я бы использовал проявление ради любого из команды. Просто этого

пока не требовалось. Не то чтобы мне не нравилось мое проявление. Просто еще не было ситуации, когда мне нужно было бы его использовать. Команда November достаточно искусна в том, чтобы не попадать в неприятности, и нам не разрешается брать тебя на задания, пока тебе не исполнится шестнадцать».

«И после того, как ты уедешь», — мрачно добавила помощница.

«Мне очень жаль, Винтер».

«Нет, все в порядке. Прости мне мою дерзость. Ты посвятил два с половиной года своей жизни, чтобы помочь мне достичь этого уровня мастерства». Винтер улыбнулась и прикрыла глаза. — «Я этого никогда не забуду. Даже если ты не сможешь быть со мной на моей первой миссии, твоя наука будет. Спасибо, Жон».

Их разговор был прерван несколькими вежливыми хлопками сзади. — «Прекрасная демонстрация мастерства. Не говоря уже об отличном настрое». Озпин стоял в добрых десяти шагах с доброжелательной улыбкой на лице. — «Надеюсь, вы не возражаете, что я вас прерываю».

«Директор Озпин! Винтер отошла от Жона и кивнула с явным уважением. — «Вовсе нет, сэр, и мы приносим извинения за то, что не заметили вас раньше. Вы что-то хотели от нас?»

«Ничего особенного, Мисс Шни. Я оказался рядом и не мог не поздравить вас с удачным боем».

«Благодарю вас, сэр».

«И мистер Ашари... могу я называть вас Жон? — ваша манера преподавания, на мой взгляд, безусловно интересна. Джеймс рассказал мне, что вы повлияли на то, что мисс Шни присоединилась к специалистам, и очевидно, оказали большое влияние на ее способности».

«Она хорошая ученица», — расплывчато ответил Жон.

«Мистер... Жон переоценивает меня», — запротестовала Винтер. «Он отличный учитель и помог мне вырасти далеко за пределы того, что я считала возможным. Только благодаря ему я сейчас стала столь искусна в бою».

«Это так? И часто он с вами занимается, мисс Шни?»

«Мы спарринг-»

«Время от времени», — прервал ее Жон, коснувшись руки Винтер, чтобы заставить ее

замолчать. Озпин выуживал информацию. Это так на него похоже — целиться в слабое звено, особенно если это ребенок. У тебя было много практики убеждать пятнадцатилетних делать то, что ты хочешь. — «Вы что-то хотели от меня, директор? У Винтер матч уже завтра, и я бы не хотел бы понапрасну тратить время, когда мы могли бы тренироваться».

«Ничего, мистер Ашари. Я не собираюсь мешать». Улыбка Озпина оставалось мягкой и доброй, но Жон ощутил в ней самодовольство. Или, может быть, ему просто показалось, потому что эти слова были явно фальшивыми. Жон задался вопросом, рассказала ли Саммер Озпину о нем, впрочем, даже если это и так, Озпин никак не показал этого. — «Джеймс упоминал, что вы покинете Атлас после Витальского Фестиваля».

Ты специально спрашивал обо мне, не так ли?

«Новости быстро распространяются».

«Джеймс был очень расстроен. Я сумел разговорить его партией в шахматы». Озпин рассмеялся и Жон вторил ему. Взаимная вежливость между ними была весьма хрупка, и он это знал. Винтер тоже это почувствовала, поэтому смотрела на них с некоторой нервозностью.

«Айронвуд — хороший работодатель, но мне пора двигаться дальше».

«Могу я спросить, куда вы направитесь?»

«Еще не решил», — солгал специалист. Теперь, благодаря находке Рейвен, он знал, куда они направятся. К сожалению, это было последнее место, где он хотел бы сейчас быть. Королевство Вейл. — «Пока выбираю из нескольких вариантов».

«Вы любите путешествовать?»

Ну, это могло быть удобным оправданием тому, зачем он был в Вакуо, Мистрале, Вейле, а затем и в Атласе. — «Я много путешествую. На Ремнанте масса достопримечательностей, которые стоит увидеть».

«С вашими способностями вы могли бы подумать о карьере преподавателя. Вы, несомненно добились большого успеха с мисс Шни».

Намек был очевиден. Чертовски очевиден. Желудок Жона сжался, и ему пришлось скрывать свое отчаяние нервно усмехнувшись, проведя рукой по волосам и отвернувшись, словно он смущен совсем не тонким намеком. Озпин заинтересован в нем. Озпин хочет пригласывать за ним, удерживая его рядом. Это было единственным объяснением того, почему директор сделал такое щедрое предложение, даже если оно еще не совсем официально. Профессор Арк, да? Это определенно звучало, как звон колокола, возвещающего о его гибели.

«Не думаю, что преподавание для меня, по крайней мере, как профессия. Винтер исключение, и только потому, что она столь прилежная ученица. У меня не хватит терпения учить кучу детей, особенно полный рабочий день».

Винтер, казалось, хотела возразить, но, к его облегчению, сдержалась, заметив его нежелание и догадавшись, что происходит что-то еще. Она была такой умной, смогла увидеть подтекст, даже если не смогла его прочесть.

«Очень жаль», — сказал Озпин. — «Но простите меня, это моя обязанность — пытаться убедить опытных охотников передать свои навыки новому поколению. Иногда я так увлекаюсь, что забываю об вежливости».

«Без обид», — рассмеялся Жон. «Мое эго ценит комплименты. Мне действительно нужно еще немного позаниматься с Винтер, или мы оба будем выглядеть глупо, если мой единственный ученик будет нокаутирован в первом же раунде».

«И никто из нас этого не хочет. Я не услышу этого от Джеймса, и сомневаюсь, что услышу от мистера Шни». Озпин протянул руку. — «Было приятно поговорить с вами, мистер Ашари. Надеюсь, у нас еще будет шанс переговорить во время фестиваля».

Жон машинально пожал ее — и секунду спустя понял свою ошибку. Озпин протянул левую руку, желая пожать левую руку собеседника. У Жона вошло в привычку держать левую руку в кармане или за спиной, когда он говорил с Озпином. И директор похоже не пропустил эту деталь, потому что Озпин обычно пожимал правую руку, держа трость в другой.

Жон все еще был в перчатках, но в тот момент, когда его рука встретилась с рукой Озпина, его тело — за неимением лучшего термина — дернулось. Как будто он ехал в машине, наехал на кочку, и ощущение было таким же, как при падении, внезапной потере гравитации, длившейся всего секунду. Жон почувствовал это, и, судя по тому, как трость Озпина быстро опустилась в попытке сохранить баланс, директор тоже это почувствовал.

Но он никак на это не отреагировал. Директор улыбнулся и повернулся к Винтер, в свою очередь пожелав ей удачи и пожав руку. После этого он ушел.

«Что это было?» — требовательно спросила Винтер. — «Вы двое знаете друг друга?»

«Мы никогда не встречались».

«Хе-... ерунда», — исправилась Винтер. Она, вероятно, набралась ругательств от команды November, но воспитание не позволяло ей использовать их. — «То, как ты на него смотрел... и как груб с ним был! Я никогда не видела, чтобы ты так вел себя с кем-то еще. Сэр, если что-то не так, то как специалист я считаю, что...»

«Это личное, Винтер». — Это заставило ее замолкнуть. Когда помощница отказалась говорить об отце, Жон отнесся к этому с пониманием. Теперь пришло время посмотреть, сделает ли она то же самое; или же поиск ответов важнее, чем его уважение.

«Я... я понимаю. В таком случае, вернемся к тренировкам?»

«Спасибо, и да, мы...» — его прервал сигнал свитка. Он прочел сообщение и вздохнул. — «Вообще-то, похоже, я нужен в другом месте. Ты должна отдохнуть до конца дня. Я знаю, что твой отец приедет завтра посмотреть матчи». — И хотя он знал, что ей абсолютно не хотелось с ним встречаться, от нее этого ожидали. Вайс тоже может быть там. — «Ты достаточно хороша для этого, Винтер. Просто сразись вместе со своей командой в раундах четыре на четыре. Как только пройдете к матчам два на два, ты сможешь уйти и заняться своими делами».

Винтер отдала честь. — «Я не подведу тебя, Жон».

«Я знаю, Винтер, что ты этого не сделаешь. Я постараюсь перехватить тебя завтра перед матчем, если смогу, но это будет зависеть от того, как рано я понадобится Айронвуду для охраны сановников. Если не встретимся, знай, я буду болеть за тебя из VIP-ложи».

«Молча, я надеюсь», — фыркнула девушка.

Жон загадочно улыбнулся и ничего не ответил. Он позволил ей поволноваться об этом, и ускользнул.

Кого он меньше всего ожидал встретить, забирая Эмеральд, так это Саммер. Она казалась такой же потрясенной, как и он, впрочем охотница быстро пришла в себя и одарила его сияющей улыбкой. К его облегчению, женщина была одна и сразу же поспешила к нему, закутанная в развевающийся за спиной белый плащ с опущенным капюшоном.

«Жон! Я не ожидала увидеть тебя здесь».

«Саммер», — ответил он, на этот раз дружелюбно улыбаясь. Несмотря на то, что прошел всего лишь один день, Жон чувствовал, что немного лучше контролирует свои эмоции. — «Приятный сегодня день, правда?»

«Да. И ты выглядишь намного лучше, чем вчера», — сказала она. — «Более... живым, я думаю».

«Вчера я был не в духе». — Ложь далась легко, и она купилась на нее, не в состоянии иначе объяснить, как он из почти депрессивного стал дружелюбным менее чем за двадцать четыре

часа. — «Был долгий день, с фестивалем и всем прочим. Сожалею об этом...»

«Я понимаю. Ты, должно быть, очень занят. Мне очень жаль, что я пыталась навязать встречу с моей семьей, вдобавок ко всему. У меня было немного времени, чтобы подумать об этом и я поняла, что это было довольно эгоистично».

«Вовсе нет. Я понимаю, почему ты так этого хочешь».

«Я никому об этом не говорила. Как и обещала. Ты ведь сдержишь свое обещание, правда?»

«Я встречу с твоей семьей после окончания фестиваля». — Обещание было дано Руби, а не Саммер, но от этого оно стало еще более обязательным. Кстати, Саммер сегодня была одна, без мужа и старых товарищей Жона. Хотя он и не мог назвать имя Янг, не вызвав подозрений, но мог Руби. — «Сегодня Руби не с тобой?»

«Руби со мной, но не так, как мне хотелось бы». Саммер тяжело вздохнула. — «Я... мне не помешала бы небольшая помощь».

Это касается Руби? Жон стиснул зубы. «Что-то случилось?»

«Что?» Саммер отреагировала на его внезапный гнев удивлением, и ее глаза расширились. — «О нет, нет, нет, ничего не случилось — или случилось, но не такое. Вообще-то я немного потерялась. Мне позвонили и сказали встретиться кое с кем для...» — Она запнулась. «По причине... и я не знаю, куда идти. Не мог бы ты указать мне правильное направление?»

«Я могу показать, но не смогу проводить тебя туда. Мне нужно встретиться с учительницей по поводу Эмеральд. Очевидно, она попала в небольшую неприятность и-»

«Драка?» — Несчастливым голосом спросила Саммер.

Жон замялся. — «Как ты дога-» Его глаза расширились. — «Руби?!»

«Не думаю, но мне позвонили и сказали, что мой ребенок подрался», — сказала Саммер виноватым голосом. — «Не думаю, что Руби стала бы затевать драку, но... ну...»

Янг.

«Мы можем пойти вместе», — предложил он.

«Я так сожалею о том, что произошло!»

«Все в порядке. Мы даже не знаем, кто начал драку».

«Я знаю», — воскликнула Саммер, фальшиво всхлипнув. — «Я уже знаю. Я люблю Янг, но я не слепая. Не как Тай».

«Эмеральд и сама может быть очень плохой. Твой муж из тех, кто всегда верит своим дочерям?»

«Он о них очень высокого мнения», — вздохнула Саммер. — «И мне это нравится, правда. Тай идеальный отец, но иногда не понимает, как ловко они обвели его вокруг пальца. Достаточно того, что они сделали это со своим дядей, и теперь, каждый раз, когда их нужно отчитать, я должна это сделать! Почему я всегда должна быть плохим парнем?»

Саммер, шагая рядом с ним, всплеснула руками и возмущенно воскликнула: «Я имею в виду, Тай — огромный, сильный парень. Он может противостоять паре маленьких девочек пусть и в подростковом возрасте, но все, что им нужно сделать, это шмыгнуть носом, и он мгновенно сдается!» Сердитое выражение застыла на лице Саммер, которое вдруг покраснело. — «Ага, но ты вряд ли хочешь выслушивать мои жалобы». Она поморщилась. «Извини...»

«Все в порядке», — искренне засмеялся Жон. Он наконец-то понял, откуда у Руби такая неловкость в общении, и это почему-то развеселило его. «Честно говоря, я не возражаю. Я в основном воспитываю ребенка в одиночку, поэтому знаю, насколько это сложно».

«Но ты так хорошо справляешься! Даже представить себе не могу, как это трудно. Я, наверное, сошла бы с ума. Понятия не имею, как Тай справился бы с этим».

Плохо, по крайней мере, поначалу, но мужчина будет стараться изо всех сил — даже если это никогда не восполнит им потерю матери. Должно быть, мысли Жона отразились на его лице, потому что Саммер моментально замолчала.

«Я... мне очень жаль. Это было бесчувственно».

«Нет, ничего страшного. Эмеральд была удочерена». Жон хотел сказать, что никого не потерял, но это было неправдой. Он потерял всех. Вместо этого мужчина поморщился и отвернулся. — «Она не родная. Я не так давно забрал ее с улицы».

«Она твоя во всех отношениях». Саммер коснулась его руки и уверенно улыбнулась. — «И насколько я вижу, ты проделал фантастическую работу, воспитывая ее. Она прекрасная юная девушка».

Он рассмеялся. — «Значит, ты с ней почти не знакома. Меня вызвали в кабинет учителя по поводу драки, которую она начала».

«Мы пока не знаем, была ли это она. Это могла быть Янг или даже Руби».

Жон оценил ее попытку помочь, но они оба знали, что это была не Руби, и хотя Янг могла бы, Саммер просто не знала Эмеральд так хорошо, как он. — «Почему, по твоему я знаю дорогу туда наизусть, Саммер? Меня вызывают уже в третий раз».

«Н-Ну...»

«В этом месяце».

(Похоже, малютка Эм отпинала половину школы. Она прелесть. Прим пер.2)

«Ох...»

Жон успокаивающе похлопал ее по руке, когда они подошли к двери, и, открыв ее, увидели мрачную Янг, сидящую на сиденье рядом с разъяренной Эмеральд, сияющей роскошным синяком под глазом и самым угрюмым видом, который он когда-либо видел. Результат схватки был очевиден, хотя бы потому, что у Янг была разбита губа и немного порвана одежда, а Эмеральд выглядела так, будто ее привязали к булхеду и протащили по взлетной полосе. Руби сидела в углу, уставившись широко раскрытыми глазами в пол. Ее паника только усилилась, когда она поняла, кто вошел в дверь. Учительница за партой кашлянула, чтобы привлечь внимание девочек к вошедшим родителям, и Эмеральд с Янг синхронно поморщились.

«Миссис Роуз. Мистер Ашари».

«Саманта», — поприветствовал ее Жон. — «Как обычно?»

«О да, на этот раз с аурой и проявлениями. Как будто у нас нет спарринг-рингов. С таким же успехом можно устроить смертельный поединок на игровой площадке. Закрой дверь и садись. Ты здесь надолго».

«Она первая начала!» — заныла Янг.

«Пошла нахер», — огрызнулась Эмеральд.

О да, он идеальный отец. Жон жестом пригласил ошарашенную Саммер войти и закрыл за ними дверь. Возможно, Роуз и была шокирована прозвучавшим, но ни он, ни миссис Грининг и бровью не повели.

«Эмеральд, что я говорил о твоём языке?»

«Но ты и Кровавая Леди все время ругаетесь», — пожаловалась девочка.

«Кровавая Леди?» — С любопытством спросила Саманта.

«Винтер», — солгал Жон, — «Эмеральд с ней до сих пор не ладят. Он еще раз сурово посмотрел на Эмеральд, одновременно и отчитывая ее, и желая убедиться, что она не станет спорить. Он не хотел, чтобы Рейвен всплыла в разговоре. — «И мне кажется, я уже говорил тебе, что если ты видишь, как я что-то делаю, это не значит, что ты должна это повторять. Не делай того, что делаю я».

«Я и не делала. Она же еще дышит...» — пробормотала Эмеральд.

(Папа плохому не научит. Пр. пер.2)

Саммер нервно рассмеялась, то ли не веря в то, что только что сказала Эмеральд, то ли думая, что она имела в виду именно то, что Жон охотник.

«Не то чтобы она могла мне повредить», — проворчала Янг, даже не пытаясь помолчать. — «Я надрала ей задницу».

«Янг!» — укорила дочь Саммер.

«Но это правда....»

«Тебе просто повезло, сучка».

«Эмеральд!» — рявкнул мужчина.

Эмеральд и Янг, не обращая внимания на родителей, свирепо уставились друг на друга. Если бы это было возможно, он мог бы представить, как молнии вспыхивают из их глаз, встречаясь посередине во взрыве искр. Девчонки одновременно кивнули, и между ними возникло молчаливое согласие, к его и Саммер большому отчаянию.

Соперницы на всю жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/67040/1784279>